ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК
III ЧАСТЬ – ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

1. ГЛУБИНЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

4. ГЛУБИНА

Мы на слух узнаем
Гул винтов вертолетных,
Снова вечер пришел,
И болит голова...
   Там, за дальним хребтом,
   Лишь гудят самолеты,
   Да плывут облака,
   Как комки дымных ват. (*291)

Вот и все. Мы сидим на куче мешков, сложенных на вертолетном бугре высоко над Пантюхинской: Люба, Алешка с Борькой и мы с Параконным.

Остались позади дни и ночи штурма, и даже праздничный банкет в наземном лагере под буками Абаца уже кажется далеким и ирреальным.

Мы одиноки в этом непогодном запустении Бзыби.

Мы ждем вертолет, который, как по мановению волшебной палочки, перенесет нас на желанное побережье.

Туда, к морю, теплому песку и душным ночам под пальмами.

Мы читаем подряд
Все обрывки газеты.
Стало море одной
Из запретнейших тем.
   Мы не курим с утра –
   Вышли все сигареты.
   Охраняем мешки
   На проклятом хребте.

Да, курева нет напрочь, и это делает наше ожидание еще более томительным.

Алешка подходит, присаживается рядышком, лукаво смотрит на нас с Параконным.

– Пап, а я знаю, чего вы хотите!

– Ну?

– Да чего уж там! Принести?

Заинтригованные, следим за его манипуляциями. Алешка подходит к своему рюкзачку, расстегивает карман, что-то достает и приносит нам на открытой ладошке:

– Вот! У меня там еще две заначено!

Мы не силах сдержать восторженных междометий – на ладошке диковинной величины самокрутка из чистой махорки! Милый ты мой маленький!

Потом Олег Гвоздев усмехнется на наш рассказ об Алешкином подарке:

– То-то я на банкете смотрю – куда что девается? Только сверну кому-нибудь козью ногу – Алешка: "Дядь Олег, давай передам!"

   Под ногами Абац –
   Там и наша пещера...
   Было все так давно,
   Но ни дня не забыть!

Сколько ж нам прозябать?
А с Арабики ветер
Вновь несет облака
По ущелью Бзыби.

Удивительное дело - сколько ни бери, курево обязательно кончается за день до срока!

И тогда начинаются народные страдания...

В поисках барски разбросанных в первые дни экспедиции "бычков": перерываются все окружающие лагерь кусты, перетряхиваются рюкзаки и палатки, высыпается мусор из карманов анораков и штормовок.

Воспитанный в лучших экспедиционных традициях, Борька мой как-то учинил мне страшный конфуз на автобусной остановке. Случилось это сразу по приезду с Пантюхинской. Соскучившись по доченьке Каролинке - ей едва пошел второй годик, мы всем семейством отправились погулять.

И вот стоим на остановке, прилично одетые, народу довольно много, вокруг такая по-сентябрьски задумчивая тишина.

И вдруг эту тишину прорезает громкий Борькин шепот, слышный, кажется, на соседнем перекрестке:

- Па-ап! Па-ап!
- Что, маленький?
- Па-ап, смотри какой "бычок" возле урны! Надо?
- ...!!!

Будет, нет вертолет?
Снова вечер подходит.
Где же все мужики?
Иль лежат во хмелу?
Мы давно на Земле,
И тоска нас изводит
В этом Богом давно
Позабытом углу.

Не дождаться уже,
Видно, нам вертолета -
Снежный пух облаков
Облепил белый свет.
Над погасшим костром
Гаснут грустные ноты -
Ни на ломаный грош
Настроения нет.

* * *

Это уже "отходняк" - реакция на все пережитое в экспедиции.

Еще недавно мы были под землей.

Только-только еще стояли где-то страшно глубоко, в полутора километрах от поверхности земли.

Дно - наше, но это далеко не все. БОльшая половина работы оставалась впереди.

Семь часов сна в Базе-1100 - чертовски мало для отдыха после такой работы!

Вот уже третью подземную ночь мы спим по 6-7 часов и, вроде, ничего. Кажется только закрыли глаза, а нас уже будят поднявшиеся со дна парни второй "волковской" четверки.

Это крепкая команда. Но вот третья...

За время нашего отсутствия на земле, в составе третьей штурмовой четверки произошли некоторые перемены. От запланированного состава осталась только двойка Ван-Куришко. За время подготовительных выходов эта пара замечательно сработалась

и обрела прочный душевный контакт. Места выбывших из четверки Коли Петрова и новокузнечанина Валеры Инполитова оказались вакантны, причем на них реально претендовали несколько человек. И тогда заявку на Дно сделали усть-каменогорец Сергей Хардиков и феодосиец Володя Салимов.

Не знаю, одобрил бы я этот состав, будучи на земле...

Наверху все выглядит несколько иначе.

Но об изменениях в составе замыкающей четверки я узнал только в Базе-700, где наша поднимающаяся четверка встретила расположившихся на ночлег Сашу Вана и Пашу Куришко. Они далеко оторвались от своих товарищей и несколько недовольно поведали о планах Салимова-Хардикова.

– Ты, Шеф, подумай – они не дойдут, – Саша Ван настроен очень категорично. – Они и сейчас идут слишком медленно. Пройдут немного, сядут, покурят, пожуют...

– Где они сейчас?

– Скорее всего, в Базе-600.

– Связь что ли между базами не работает?

– Работала... Но там пока молчат. Спят, наверно.

– Понятно.

– Так ты подумай, Шеф. Их вниз нельзя пускать.

– Посмотрим.

* * *

Вот еще незадача. В последней группе явно конфликтная ситуация: молодые, полные сил и задора Саша и Паша и более зрелые, несколько медлительные Хардиков и Салимов.

Они уже сейчас разорвались: более шустрые в одной базе, остальные в другой.

Что будет дальше?

Почему не пошел Серега Вержанский? Технически он подготовлен не хуже Вана с Куришко, разве что опыта поменьше.

Ну и что делать с этой последней двойкой? Отправить наверх?

Но внизу нужны четверо.

Думай не думай, а времени на смену состава уже нет.

Самое простое решение – пусть идут, до куда их хватит. Мужики самостоятельные, зарываться сверх меры не станут. В крайнем случае – повернут назад. Вроде бы, так. В принципе.

На подходе к Базе-600, загадал: посмотрю, как будут вставать с ночевки – я должен почувствовать их заряженность на успех.

Если она есть – пойдут и дойдут, если нет – я это почувствую.

База-600. Трясу Хардикова за плечо и мучаюсь от неожиданной жалости: парни спят тяжело, в каждую черточку расслабленных сном лиц въелась усталость.

Но мы должны их разбудить, потому что их время на отдых истекло.

Мы должны занять место в лагере и, наконец, отдохнуть – за последние четверо суток мы спали не более 20 часов – по 6-7 часов на ночевку.

И еще потому, что это их Шанс увидеть Дно.

Они поднимаются, как сомнамбулы, с трудом выдираясь из тяжелой одури сна. На помощь приходит свистящий по галерее ветер – быстро выдувает последние остатки сонного тепла, принуждает двигаться.

Парни смотрят тревожно – от моего решения зависит судьба их попытки.

И мне тяжело от сознания этого.

* * *

Наверно, для властолюбцев, именно в этом сладостность власти.

Тобой решается судьба: чья – неважно.

И все зависит не только от объективности, профессиональности твоего решения, но и – вот в этом-то, кажется, самое главное! – от возможности поступить в полном соответствии с желанием только собственной левой пятки.

А значит, через власть – самоутвердиться, свести счеты, покарать...

И, значит, учить, поучать, восходить к непогрешимости, безошибочности – к кепке "Великого Учителя", венчику "Спасителя и Наставника", наместнику Бога на Земле. Наркотическая притягательность власти...

Но так же, как далеко не все люди по природе своей могут стать добровольными наркоманами и алкоголиками, так не всем по душе и отрава властоимства.

Попав на благодатную почву, власть необратимо деформирует личность. При этом задевает всех так или иначе попадающих в ее сферу.

Власть – обратная сторона рабства, и подобно ему, так же присуща, как и неприемлема человеческой сущности.

В вечной внутренней борьбе раба и властелина проходит жизнь, формируется каждая личность.

Что касается меня – я ее не люблю, власть. Принимаю как необходимость, когда не могу ничего изменить, использую для достижения цели, когда не нахожу других средств, но не люблю. Моя стихия – в равновесии раба и властелина – сообщество свободных, самостоятельных и равных по возможностям.

Идеальная среда обитания – общество горизонтального построения, без подлых иерархических пирамид, с вершин которых властолюбцы так славно попирают наши с вами головы.

Скажете, нет такой среды? Не существует?

Есть. Общество пронизано множеством синхростихий (*292), где обращаются и находят друг друга люди одних интересов – не спаянные в формализованные конгломераты, не зависящие друг от друга ни в чем и не связанные ничем, кроме взаимных симпатий и добровольно взятых на себя обязанностей.

Это лучшие из сред обитания.

Там обитают уважаемые мной и мне подобные люди.

Но есть и другие миры. Например, некая умозрительная поверхность, проходящая в наше время через все вершины существующих иерархических пирамид, выше которых в социальном плане нет ничего: это – пустыня Высшей власти.

Конечно, и президенты наши не чувствуют себя в безопасности, не могут насладиться в полной мере свободой своего Поля. Но причиной тому – только хлипкость самих пирамид, на высоту которых вознесена сегодня сфера их интересов – воздвигнутые на лжи и обмане, вершины эти постоянно во власти волнений и катаклизмов, сотрясающих изнутри пирамиды стран и народов.

Чем выше социальная пирамида – тем неустойчивее.

Когда мы уходим в горы – мы погружаемся в некую собственную, нами же придуманную и взращенную "Среду оптимального жизнеобитания", в идеальную субстанцию, уже сегодня отстраненную от пирамид и уравновешенную.

Решая что-либо за других, мы нарушаем равновесие.

Если только не остаемся между собой в согласии относительно верности принятого решения.

Становясь в иерархическую структуру – любую, пусть это экспедиция или коммерческий банк – каждый должен добровольно принять правила игры, причем примерив на себя самые худшие их последствия.

Ан, нет! Мы норовим приложить некое условие к другим, намеренно или бездумно обходя себя стороной.

В экспедиции мы играем по правилам, признанным всеми нами – всеми, идущими по отвесам. Согласно этим правилам решение руководителя может оспариваться только после экспедиции. Это потом тебя можно проклясть, обидеться на всю жизнь, презирать, или наоборот, хлопать по плечу и восторгаться. Все это потом – в момент действия решение должно быть принято и выполняться.

Решение должно выполняться.

Именно поэтому надо его правильно принять.

Именно потому лучше решать только за себя.

И именно поэтому проще, когда кто-нибудь все-таки решает за вас.

А у вас остается право (потом, когда уже известно, чем все это кончилось!) торжествующе изречь: "Я же говорил!"

* * *

Не проходит и двух часов, как мы расстаемся: наша четверка засыпает в тепле Базы-600, двойка Хардикова углубляется в предсифонную галерею.

Мы не видим их ухода - сон тяжелой лапой глушит все вокруг.

А они уходят вниз. Внешне - без единого колебания.

Они идут, чтобы реализовать свой Шанс, который многим кажется призрачным.

Но кто из нас может до конца точно оценить чужой шанс?

А свой собственный?

Что касается меня, я отпускаю их легко, без особых сомнений. Мне внушают доверие эти медлительные фигуры, мешковатые от рассованных по всем мыслимым и немыслимым местам припасов.

Не герои, но - Путники. Помните? Дорогу осилит идущий!

Парни с таким аппетитом, не отступают с половины дороги.

* * *

Нельзя сказать, что я ни разу не пожалел об этом своем решении.

Восторгу моему не было предела, когда проснувшись, мы с Бессергеневым принялись обшаривать лагерь в тщетных поисках хоть крошки табака!

Хардиков аккуратно собрал все наши сигареты и унес ко дну.

Наверно, полагал, что нам уже курить вредно - какие-то 600 метров, и мы под буками!

* * *

Вертолет поднимается, и мы припадаем к иллюминаторам.

За какие-то секунды проплывает внизу усеянный цепочками воронок уходящий зелеными скатами к Рицынскому ущелью Абац, скользят под винтами темно-зеленые кудри буковых склонов.

И вот уже резко проваливается вниз бездна Бзыбского ущелья.

По правому борту сказочными цепями разворачивается Арабика, но и она уже заслонена кручами ближних отрогов.

Бессергенев, необычно умытый, в разлете своих по-мушкетерски длинных волос, улыбается от дверей пилотской кабины, показывает большой палец.

Летим!

Перебираюсь к нему, и через лобовое стекло вглядываюсь в приближающееся марево черноморского побережья.

Море! Долгожданное, оно распахивается над прилепившимися к исчерченному волноломами берегу игрушечно маленькими высотными коробками Гагр.

Светлые полоски пляжей, кипень белого прибоя, крошечный кораблик на синей воде.

Море!

В кроссовках фирмы "Адидас"
В кромешной тьме, как будто вражеский лазутчик,
Не разбирая, прямо в грязь,
Куда, скажите, вы торопитесь, Поручик?
   В канистре, видимо, не квас
   И не бензин - у вас походка фигуриста!
      Ах, этот Западный Кавказ -
      Места паломничества спелеотуристов.

* * *

Кто это сказал?

"Когда после пещеры выйдешь на пляж, тогда понимаешь, вот это – Спелеология. Все остальное были только подходы..."

Леселидзе принял нас влажной испариной субтропиков, немыслимым ароматом цветущих растений, сплетающимися с волшебными запахами шашлыка и "Изабеллы" из прибрежного кабачка под всеобъемлющим названием "Бочка".

И море, море – волшебный мир ласковых волн, горячего солнца и великого спокойствия души!

Конец спектакля – гаснет свет.
Окончен бал, звучат последние аккорды.
Перевалить бы парапет
И в гальку теплую уткнуться сытой мордой!
Чуть приоткрылся мутный глаз,
Рука опять привычно тянется к канистре:
Ах, этот Западный Кавказ –
Места паломничества спелеотуристов!

– Борисыч! Тут по твою душу.

Ба-а! Какие люди! Виктор Комаров, известный подводник из Рязани, с ним неизвестный парень спелеологической комплекции. Кто-то из наших?

Так и есть – это Виктор Болек, руководитель польской группы, которая, оказывается, идет в Пантюхинскую вслед за нами, в этом сентябре.

И вот сидим на горячей гальке пляжа, дети плещутся в ласковых волнах, парни потягивают вино. Виктор записывает, а я перелистываю потертый красный блокнот, обновляя в памяти описание навесок по бесчисленным отвесам пропасти – первое SRT-описание Пантюхинской.

Путь проложен, и он не будет пустовать.

* * *

Пару месяцев спустя я получу письмо из Вроцлава:

"Дорогой Константин Борисович.

Я посылаю тебе письмо об успехах нашей экспедиции, как мы и договорились в Леселидзе. Нам не повезло дойти до дна. Мы дошли только до -1050.

Наша экспедиция началась 4 сентября. Присутствовали 7 поляков и 8 спелеологов из Краснодара. До бивака на Сифоне -635, мы работали с поверхности и дошли до него на четвертом выходе 8 сентября. На этом отрезке мы добили 10 спитов, потому что не пользовались старыми шлямбурами, но не везде нашли ваши спиты. Особенно много спитов мы добили на первом колодце 107 метров..."

Неплохо... Из-за бракованных московских крючьев мы дошли до Базы-600 за 6 суток, забив в общей сложности около 50 спитов, и тоже не нашли французскую дорожку на К-107, как поляки не нашли нашу.

"...Потом вчетвером мы пошли на бивак при Сифоне. Мы хотели сделать навеску от -635 (место лагеря) до -1100, где мы хотели расположить второй бивак. Но во время навешивания оказалось, что мы не взяли достаточно веревки с поверхности. В результате 13 сентября мы дошли только до -1050, на что затратили три выхода из бивака-635".

Трижды пробиваться через бесконечные меандры средней части пропасти – благо там остались стационарно закрепленные нами перила – и в результате не дойти каких-то 50 метров до дна Большого 200-метрового колодца!

Обидно. Наш расчет на специализированную группу транспортировки по этому участку и на тактическую гамачную Базу-700 оказался более верным.

"...Потом пошла вторая группа, чтобы дойти до дна. Но оказалось, что полоса неудач продолжается, и если мы дойдем до дна, то не успеем вынуть веревки. К тому же краснодарцы сказали, что их отпуск кончается, и они должны возвращаться. Правда, они нам не очень-то и помогали в транспортировке".

В общем, типичная картина, когда нет единодушия в группе, нет всеобщей заряженности на конечный успех. И конечно, сложность задуманного явно превышала собранные для его реализации силы. Что ж, вовремя вернуться - не значит потерять лицо.

"...Таким образом, мы постановили возвращаться. При вытаскивании веревок большой дождь задержал нас на 2 дня. Мы успели вытянуть веревки ночью 23 сентября, а 24-го за нами прилетел вертолет.

Желаю Вам больших успехов в пещерах. Виктор".

Поляки работали 20 суток и прошли только две трети.

Нам потребовалось 22 дня, чтобы успешно выполнить задуманное.

И конечно, нам здорово повезло с погодой. Несколько дождливых дней никак не сказались на нашей подземной работе. Из 2000 метров веревки, использованной для навесок, около 300 мы оставили в пещере - ниже -1100, аккуратно уложив ее над отвесами. И еще около 150 метров осталось на перильных участках в Первом меандре за сифоном.

Как приз тем, кто будет в Пантюхинской за нами.

Стоит Кавказ, прищурившись с усмешкой,
На суету прибрежной полосы.
И мы, омыты пеною прибрежной,
Перед Кавказом и собой чисты.
Как дорог друг, когда разлука близко!
Но мы об этом вслух не говорим.
А облака над Бзыбью тянет низко,
И звезды, будто чьи-то фонари... (*293)

***291 К.Б.Серафимов** "Винтокрылое чудо", Абац, 1990г.

***292 СИНХРОСТИХИЯ** - мой термин. Плоскость - плоско. Поверхность - поверхностно. Поле - слишком объемно. А это, кажется, подходит. Ляпнул, что называется, от души!

***293 К.Б.Серафимов** "Как сладок сон", урочище Абац, 1990г.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com